

Отец Андрей Колесников

ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН КАТАТЬСЯ НА ВЕЛОСИПЕДЕ,
КАК ПТИЦА ДЛЯ ПОЛЕТА

Велосипед! Вот что нужно человеку для счастья. Тот, кто этого не понимает, может не понимать и дальше, а просто поверить на слово и купить велосипед.

И вчера мы поехали покупать новые велосипеды, потому что из старых Маша с Ваней давно выросли.

В магазине я осознал, что все-таки многие понимают, в чем у человека смысл жизни, особенно весной, когда сходит снег. Десятки взрослых людей стояли в очередях за велосипедами. Причем не для детей, а исключительно в корыстных целях.

Человек рожден кататься на велосипеде, как птица для полета. Не все это понимают. Я понимаю очень хорошо. Лучшую часть своей жизни, то есть до 16 лет, я провел на велосипеде. Я ездил на нем на много километров за грибами и возвращался, отягощенный ими. Ездил я, конечно, чаще всего без рук, о чем ни за что не скажу Маше с Ваней. По-другому у нас считалось ездить западно. Я знал все трещинки в поселке Семибратово, вслепую, кажется мне теперь, мог пересечь его насквозь с запада на восток и с севера на юг. Отец научил меня кататься очень легко: посадил на велик, убедился, что ноги не достают до земли, подтолкнул и отпустил меня. Я как сумасшедший стал крутить педали и понесся по длинному футбольному полю, которое оказалось короче некуда. Я не имел представления, как затормозить, отец спохватился, что-то закричал, пытаясь обучить меня на ходу, но ветер хлестал мне в лицо, я ничего не слышал и выбрал единственно верное решение: со всего размаха въехал прямо в ворота и врезался в сетку. Гол!

Своих детей я учил кататься года три назад тоже на футбольном поле, прямо во дворе нашего дома. Проблема в том, что оно тщательно заасфальтировано, и падать было бы не только обидно, но и больно. И когда Ваня поехал по кругу и тоже решил затормозить, и тоже понял, что этого-то и не умеет, я с ужасом осознал, что повторил ошибку моего отца. Ворота здесь к тому же были мини-футбольные, а сетка — железной. Но я успел тогда перехватить Ваню на ходу, буквально снял его с велосипеда, за что не услышал особой благодарности, потому что мальчик повторил мне потом, что он бы и так остановился. — Рано или поздно, — подтвердил я.

— Помоги мне, — попросил он, и я посадил его на велосипед.

Он рванул, затормозил и прыгнул с велика. И так три раза.

— Ваня, родной! — кричал я ему. — Я все понял! Не надо больше!

А он разогнался с каждым разом все сильнее, и я вдруг вспомнил историю, связанную с моим дядей. Мы с ним поехали за грибами, накануне прошел дождь, тропинка была размыта грязью. Но я так наслаждался жизнью, что мчался как умел и как не умел тоже. А он, стиснув зубы, мчался следом. Он не мог позволить себе отстать.

И вдруг мы с ним выскочили на небольшой бревенчатый мост, который после дождя разрушился, и на нем оставалось только одно залезанное со всех сторон бревно. Тормозить было поздно, дядя смял бы меня всей своей мощью, и я снова принял единственно верное решение: вкатился на это бревно и махнул по нему, понимая, что шанс проскочить у меня один из тысячи.

Не знаю, как я проехал по нему. До сих пор не понимаю. Какая-то адская кривая вывезла.

Я не хотел оглядываться. Я понимал, что моего дядю она не вывезет. Но оглянулся. Я увидел его глаза, когда он очутился на этом бревне, и видел, как он сорвался с него и легко, и даже как-то торжественно ушел под воду. Я не понимал, что мне делать. Я отдавал себе отчет в том, что мне не спасти его, просто не вытащить. Но я должен был что-то сделать. И я бросил велик и побежал в воду.

Тут он встал. Воды ему было по грудь. Наружу даже торчал руль велика.

— Ну, ты, Андрюха, даешь! — весело сказал он. — Хорошо на велосипеде ездешь. И где только научился? Я так не могу.

Я хотел сказать, что я тоже так не могу и что это было что-то сверхъестественное, и уже никогда не повторится, но потом подумал, что ведь может и повториться, и промолчал.

И не зря: много лет спустя я, разогнавшись на машине по трамвайным путям, вдруг увидел, что в одном месте их подкопали и что метра на три они просто, можно сказать, висят в воздухе. И я опять не успевал затормозить — и прибавил газу. Расстояние между колесами оказалось таким же, как расстояние между рельсами. Ну, вот как это объяснить? Я проехал, вернее, пролетел по ним быстрее трамвая.

А тогда, возле деревянного бревна, я думал только об одном: и что, мы теперь за грибами-то не едем, что ли? А дядя, вытащив свой велик, сказал мне:

— Ну что, вперед? Высохну на ходу!

Потом болел недели две. Еще же и дождь опять пошел. Но по полной корзине мы вынесли из леса тогда.

Теперь я ехал на длинном «ягуаре» по неплохой дороге и думал о другом: поместятся ли в него два новых велика и два уже немаленьких ребенка, восьми и десяти лет. Ну, детей, например, можно вперед посадить... ехать недалеко... один велик запихнуть на заднее сиденье, другой в

багажник... теоретически проблема решаемая, тем более что «ягуар» все-таки «лонг». Правда, и велики уже тоже...

Когда до нас дошла очередь, я убедился, как далеко ушла цивилизация в своем циничном развитии. В этих велосипедах было все, чтобы объехать земной шар и вернуться в исходную точку, то есть в магазин «Спорт-мастер». Колеса светились, к рамам крепились фляги с водой, 28 скоростей... Я вдруг с тоской подумал, что им нужен «Орленок», да и все. Правда, они так не считали. Они заказывали все опции подряд, и я не мешал этому, потому что я же видел, какое это великое счастье, которого сам я был лишен; но несколько не жалел теперь об этом. У меня было другое счастье.

Пока опции устанавливались на машины в сервисном центре при магазине, мы вышли на улицу. Тут случилась еще одна удивительная вещь. Мне позвонил мой товарищ Михаил Куснирович, который сообщил, что он сейчас недалеко от моего дома. Я рассказал ему, что мы покупаем велики.

— Зачем? — искренне поразился он.

— Как это? — не понял я.

— Зачем вам велики покупать?! — кричал он в трубку. — Сдать! Все сдать! Вы что, не помните «Черешневый лес» год назад?! У меня этих великов после него осталось еще 395 штук! Я не представляю, что с ними делать!

— «Орленок»? — дрогнувшим голосом переспросил я.

— Конечно, «Орленок!» — кричал он. — По всему городу искали! И нашли!

Я вкратце объяснил моим детям ситуацию. Они, кстати, вспомнили эти велики. Да, это был велик моего детства. На нем я колесил без рук, и хватит об этом...

— Папа, — сказала Маша. — А как же фляга с водой? А катафоты с батарейками?... А сумочка на переднем сиденье?!

— Маша, — нерешительно произнес Ваня. — А может!..

— Ты что? — переспросила она. — Счастья своего не понимаешь?!

Так я в очередной раз убедился, что каждому свое, конечно, счастье. Некоторый оптимизм в этом смысле мне внушала нерешительность Вани.

Я запихнул велики на заднее сиденье и в багажник, детей — на переднее сиденье, и мы тронулись. Багажник при этом был открыт: велик нельзя было сложить пополам.

Я вдруг увидел, что Ваня плачет. Сначала беззвучно, а потом как он ревнул...

— Что с тобой? — перепуганно спросил я.

— Он боится, что велосипед выпадет или что на светофоре кто-то подбежит, вытащит его и уедет, — перевела этот рев на русский язык Маша.

— Ваня, это правда? — переспросил я.

Мальчик кивнул и сквозь слезы (плечи его сотрясались от плача) смог произнести главное: — В следующий раз в багажнике повезем Машин велосипед, ладно?!